

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POLITICAL MANAGEMENT

УДК 130.2: 323.1

РУССКИЙ ХАРАКТЕР В НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ XIX ВЕКА

Андрей Федорович Поломошнов

Донской государственной аграрный университет, п. Персиановский, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В контексте современного глобального противостояния России и коллективного Запада, крайне важными являются вопросы познания и защиты российской цивилизационной и культурно-антропологической идентичности. Противоречивые поиски российскими мыслителями XIX века сущности русской души и русского характера не утратили актуальности и сегодня, ибо противостояние двух линий национального самосознания: традиционализма (славянофилов) и интегрализма (западников) продолжается и в наше время на всех уровнях российского общества и, в том числе, на уровне философского дискурса.

Методы. В статье на основе методологии историко-философского анализа исследуется, каким образом решалась проблема российской культурно-антропологической идентичности (или русского характера) в противостоянии двух основных линий отечественного философского самосознания: традиционализма и интегрализма в XIX веке.

Анализ. Рассматриваются концепции российской культурно-антропологической идентичности западников (П. Я. Чаадаев и В. С. Соловьев), ранних славянофилов (К. С. Аксаков, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский) и поздних славянофилов (Н. Я. Данилевский, Ф. М. Достоевский).

Установлено принципиальное различие подходов западников и славянофилов к постижению сущности русского национального характера. Если славянофилы выстраивали портрет самобытной российской культурно-антропологической идентичности, то западники обосновывали необходимость формирования в русском народе общеевропейский или общечеловеческой культурно-антропологической идентичности.

Заключение. Борьба альтернативных подходов славянофилов и западников к конструированию концепта русского характера, начавшаяся в XIX веке, стала отправной точкой последующего дискурса о российской культурно-антропологической идентичности в XX веке и вплоть до нашего времени. Поэтому единый, общепринятый портрет русского характера до сих пор не выработан в российской философии.

Ключевые слова: национальный характер, русский характер, славянофилы, западники, интегрализм, традиционализм, евразийство.

UDC 130.2: 323.1

RUSSIAN CHARACTER IN NATIONAL IDENTITY IN XIX CENTURY

Andrey F. Polomoshnov

Don State Agrarian University, Persianovski set, Russian Federation

Abstract. Introduction. In the context of the modern global confrontation between Russia and the collective West, the issues of knowledge and protection of Russian civilizational and cultural-anthropological identity are extremely important. The contradictory searches by Russian thinkers of the 19th century for the essence of the Russian soul and Russian character have not lost their relevance today, for the confrontation between two lines of national identity: traditionalism (Slavophiles) and integralism (Westerners) continues in our time at all levels of Russian society, including, at the level of philosophical discourse.

Methods. The article, based on the methodology of historical and philosophical analysis, examines how the problem of Russian cultural and anthropological identity (or Russian character) was solved in the confrontation between two main lines of Russian philosophical self-awareness: traditionalism and integralism in the 19th century.

Analysis. The concepts of Russian cultural and anthropological identity of Westerners (P. Ya. Chaadaev and V. S. Solovyov), early Slavophiles (K. S. Aksakov, A. S. Khomyakov, I. V. Kireevsky) and late Slavophiles (N. Ya. Danilevsky, F. M. Dostoevsky). A fundamental difference in the approaches of Westerners and Slavophiles to comprehending the essence of the Russian national character has been established. If the Slavophiles built a portrait of a unique Russian cultural and anthropological identity, then Westerners substantiated the need to form a pan-European or pan-human cultural and anthropological identity among the Russian people.

Conclusion. The struggle between alternative approaches of Slavophiles and Westerners to constructing the concept of Russian character, which began in the 19th century, became the starting point of subsequent discourse on Russian cultural and anthropological identity in the 20th century and up to our time. Therefore, a single, generally accepted portrait of the Russian character has not yet been developed in Russian philosophy.

Keywords: national character, Russian character, Slavophiles, Westerners, integralism, traditionalism, Eurasianism.

Введение. Современный мир сорвался в состояние нарастающей нестабильности и турбулентности. Чем закончится этот безумный полет для России? В чем мы можем найти спасительные средства для сохранения своей идентичности и самого выживания российской цивилизации в будущем мире? В поисках ответа на эти вопросы лучше всего и прежде всего нужно обратиться к нашим корням, основам и историческим архетипам, со-

ставляющим основу нашей российской цивилизационной самобытности и нашу главную историческую силу. Актуальность этого обращения приобретает наивысшую степень остроты в условиях дрящущегося уже второй год глобального цивилизационного конфликта России и Запада, происходящего в форме прокси-войны на Украине. В этом противостоянии решается судьба России и судьба всего мира. Чтобы победить, недоста-

точно одного военного и экономического потенциала, нужно укрепить российский дух, возродить русский характер и великую русскую идею гуманизма. Русский характер и русская идея, другими словами, становятся сегодня решающим фактором нашей глобальной геополитической победы. Поражение означает для России физическое исчезновение великой цивилизации с исторической сцены и физическую «утилизацию» великого русского народа.

Методы. Опираясь на общую концепцию динамики российского национального самосознания, рассмотрим, как же развивалась тема русского национального характера в контексте такой богатой и сложной истории отечественного философского самосознания? Мы не будем детально анализировать историю отечественных концепций русского национального характера, т.к. это тема отдельного исследования, а, точнее, целого комплекса исследований. Мы лишь уточним, каким образом в целом ставилась и решалась проблема российской культурно-антропологической идентичности (или русского характера) в противостоянии линий традиционализма и интегрализма. В связи с этим стоит согласиться с мнением Поломошнова Л. А. о том, что «...тема национального характера как значимого позитивного критерия российской социокультурной идентичности становится значимой лишь в контексте линии традиционализма или национального синтетического интегрализма. Линия ингрессивного интегрализма, в целом негативно относясь, к проявлениям самобытности российской цивилизации, естественно, не проявляет интереса к особенностям российского национального характера» [6, с. 49].

Анализ. Тема специфики русского национального характера разрабатывалась отечественными мыслителями в обязательном сопряжении с темой российской социокультурной идентичности. Для дискурса

XIX века по тематике российской культурно-антропологической идентичности в целом характерно преобладание аналогового, психологического подхода. Целостных, всесторонне концептуально и методологически обоснованных концепций русского национального характера, может быть, за исключением Н. Я. Данилевского, предпринявшего попытку создать такую концепцию, не было создано. На первоначальном этапе дискурса XIX века явился ставший толчком для него критический образ русского национального характера, созданный П. Я. Чаадаевым. Его портрет русского национального характера носит не описательный, а концептуальный характер. Чаадаев исходит из того, что народы – существа нравственные, обладающие собирательным национальным характером и сознанием своей самобытности. «Народы, хотя они и сложные существа, на самом деле существа нравственные, подобно личностям» [12, с. 97].

В чем же состоит по Чаадаеву специфика нравственного лица русского народа? Парадоксально, но Чаадаев утверждает, что у русского народа отсутствует определенное нравственное лицо. «Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру» [12, с. 38].

Итак, главная особенность русского национального характера, по Чаадаеву состоит как раз в отсутствии самобытного и определенного нравственного лица народа. А причиной этого является специфическая история русского народа и отношение русского народа к собственной истории.

Итак, русский народ – народ, лишенный нравственного лица и не помнящий, не хранящий историю, не извлекающий из нее

уроков. Вину за такой общий портрет русского народа, Чаадаев возлагает на безразличие к его судьбе божественного провидения [12, с. 41]. Ссылка на провидение, конечно, мало убедительна. Но, определив главную особенность нравственного лица русского народа Чаадаев переходит к описанию его личностных качеств, которое представляет собой сплошной список недостатков: 1) историческая маргинальность, беспочвенность, отсутствие исторической памяти и преемственности [12, с. 38]; 2) бессмысленная, беспорядочная, бесцельная жизнь [12, с. 36]; 3) беспечность и легкомыслие [12, с. 40]; 4) сиюминутное существование одним днем, направленность только на текущий момент времени, жизнь только настоящим моментом вне временной перспективы и связи с прошлым и будущим [12, с. 37]; 5) культурная, творческая бесплодность и бездарность [12, с. 41]; 6) дополняющая бездарность способность подражания, заимствования чужих культурных достижений. Вроде бы это – не порок. Но Чаадаев обесценивает эту подражательность, подчеркивая, что русские подражают и перенимают чужие культурные формы неумело, заимствуя лишь внешность, а не суть, и искажая эту суть. В-седьмых, по Чаадаеву сам менталитет русского народа порочен. Ему свойственно слепое поверхностное подражание, неспособность к связному последовательному логическому мышлению. «Народ этот не в силах сосредоточить своей мысли на каком ряде идей, которые постепенно развертывались в обществе и понемногу вытекали одна из другой... Лучшие идеи, лишённые связи и последовательности, как бесплодные заблуждения парализуются в нашем мозгу» [12, с. 40]. Русский народ, по Чаадаеву, не способен к серьёзному и систематическому, самостоятельному логическому мышлению [12, с. 52].

Даже нехотя признаваемые Чаадаевым достоинства национального характера Чаадаев интерпретирует так, чтобы обесценить их. «Если мы обладаем некоторыми достоинствами народов молодых и отставших от цивилизации, то мы не имеем ни одного, отличающего народы зрелые и высококультурные» [12, с. 40]. Правда, никакого содержательного перечня этих достоинств молодых, отставших народов Чаадаев вообще не даёт. К ним можно отнести только беспечную отвагу, терпение и выносливость. Однако, обесценивает эти достоинства своей интерпретацией: «То самое начало, которое делает нас подчас столь отважными, постоянно лишает нас глубины и настойчивости» [12, с. 40].

Общепризнанную православную религиозность русского народа Чаадаев также толкует скорее как недостаток, чем достоинство. Православная религиозность, по мнению Чаадаева, является исторически косной, бесплодной религиозностью, не стимулирующей социальный и личностный интеллектуальный и нравственный прогресс.

Сам Чаадаев назвал свой портрет русского национального характера «несколько язвительной филиппикой против его немощей» [11, с. 134]. Основным оправданием своих преувеличений, резкости и язвительности Чаадаев избрал специфический патриотизм. Он стремился доказать, что он любит свою родину, но особой, критической любовью [11, с. 143]. Рассуждения П. Я. Чаадаева о русском характере стали в какой-то степени парадигматическими или программными для всей линии российского западничества XIX века.

Развитием темы русского национального характера стала философско-литературная полемика западника В. Г. Белинского и традиционалиста Н. В. Гоголя, в которой последний идеализировал такие черты русского

народа, как смирение, покорность, религиозность, начальство почитание и т.п., а Белинский их яростно критиковал.

Наибольший вклад в разработку темы русского национального характера в XIX веке, естественно, внесли славянофилы. Славянофилы первого поколения, стимулированные критическим портретом русского национального характера, данным Чаадаевым в его «Философических письмах», сделали противоположный акцент, постаравшись представить русский национальный характер как набор достоинств, безусловно превосходящих национальный характер западных европейцев.

В качестве предмета, на основе которого составлялся позитивный портрет русского национального характера было избрано не дворянство, подверженное западнической порче и нравственно-интеллектуальным болезням социального паразитизма «лишних людей», а российское крестьянство. Славянофилы, не мудрствуя лукаво, идеализировали самобытные начала российского образа жизни: православие, самодержавие, крестьянскую общину и вытекающие из них качества национального образа жизни и народного характера. Славянофилы, будучи последовательными и сознательными защитниками самобытности и национальной идентичности российской цивилизации сформулировали основные инварианты, составляющие ядро российской национальной самобытности и идентичности: 1) самодержавие, 2) православие, 3) соборность. Формально, славянофилы, как и Чаадаев начинают свои рассуждения с тезиса о том, что у каждого народа есть свое нравственное лицо. А. С. Хомяков писал: «Догадались ли мы, что каждый народ представляет такое же живое лицо, как и каждый человек» [10, с. 582].

Логика его рассуждений такова: русская душа, заложенная Богом, произвела самобытную русскую культуру и цивилизацию. «Русский дух создал самую Русскую землю в бесконечном ее объеме, ибо это дело не плоти, а духа; Русский дух утвердил навсегда мирскую общину, лучшую форму общежительности в тесных пределах; Русский дух понял святость семьи и поставил ее как чистейшую и незыблемую основу всего общественного здания; он выработал в народе все его нравственные силы, веру в святую истину, терпение несокрушимое и полное смирение. Таковы были его дела, плоды милости Божией, озарившей его полным светом православия» [10, с. 297]. Сам А. С. Хомяков акцентировал внимание на православии, как специфической форме российской религиозной духовности, с которым связывал соборность как черту российской цивилизации и особенность национального психического склада. «Соборность означает сочетание свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям» [5, с. 48].

К. С. Аксаков акцентировал свое внимание на особенностях российского самодержавия и отношения между народом, обществом и самодержавной властью. Отношения между русским народом и государством по Аксакову основаны на разделении «земли» (общества) и «государства» (самодержавной политической власти). Для русского народа, по мнению мыслителя, характерно добровольное и сознательное отчуждение от политической власти взамен на внутреннюю нравственную свободу духа, слова, веры и жизни. Русский народ – «... это народ негосударственный, не ищущий участия в правлении, не желающий условиями ограничивать правительственную власть, не имеющий, одним словом, в себе никакого политического эле-

мента... *Отделив от себя правление государственное, народ Русский оставил себе общественную жизнь и поручил государству давать ему (народу) возможность жить этою общественною жизнью»* [1].

Введенное самим русским народом для себя разделение земства и власти предполагает, не полную бесконтрольность и безответственность власти перед народом. Напротив, на нее возложены определенные обязанности. Добровольно отрекшись от участия в политической власти, народ сохраняет за собой право нравственного суда или нравственной санкции права на власть.

Из разделения сфер личной и общественной жизни, с одной стороны, и власти, с другой стороны, Аксаков делает парадоксальное определение сущности свободы русского человека, гарантированной неограниченным самодержавием. «Русский человек, по справедливости, не есть раб, а человек свободный. *Монархическое неограниченное правительство, в русском понимании, является не врагом, не противником, а другом и защитником свободы, свободы духовной, истинной, выражающейся в открыто возмущаемом мнении»* [1].

Обобщая портрет русского национального характера в представлении славянофилов, можно выделить следующие основные его особенности: православная религиозность, набожность, смиренность, любовь к идеалам святости, духовная и социальная соборность, коллективизм (примат интересов коллектива над интересами личности, но не поглощение личности коллективом), гуманизм, высокая нравственность, внутренняя свобода, аполитичность, лояльное отношение к власти. Гуманистическую специфику российского коллективизма составляет то, что: «Личность в русской общине не подавлена, но только лишена своего буйства, исключительности, эгоизма... личность поглощена в

общине только своей эгоистической стороной, но свободна в ней, как в хоре» [2, с. 85].

В целом славянофилы были склонны к неоправданной идеализации элементов русской национальной самобытности, идеализации русского народа и его национального характера и русской истории. В. С. Соловьев ставил эту идеализацию в упрек славянофилам первого поколения. «Вместо объективно достоверных общечеловеческих начал правды славянофилы в основание своей доктрины поставили предполагаемый идеал русского народа» [7].

Особое место среди альтернативных портретов характера русского народа занимает концепция Н. Я. Данилевского, основанная на четко обозначенном и реализованном им методе сравнительного анализа русского и европейского типов национального характера. Перейдем теперь к конкретному описанию русского национального характера Н. Я. Данилевским в соответствии с обозначенным им методом. Данилевский, избирательно комбинирует отдельные факты из истории России, стремясь выделить инвариантные, основные черты национального психического склада русского народа, определяющие стиль его исторической деятельности.

Одно из ключевых качеств – это терпимость по отношению к другим народам. «Терпимость составляла отличительный характер России в самые грубые времена» [3, с. 213]. Терпимость проявлялась в способе подчинения других народов по мере расширения российского государства. «Слабые, полудикие и совершенно дикие инородцы не только не были уничтожены, стерты с лица земли, но даже не были лишены своей свободы и собственности, не были обращены победителями в крепостное состояние» [3, с. 215].

Второе инвариантное качество русского национального характера – прирожденная гуманность. «Она и отражается во многом

и многом, например в русском законодательстве относительно смертной казни» [3, с. 216].

Третья черта русского национального характера по Данилевскому – приоритет нравственности над практическим, материальным интересом. «Вообще не интерес составляет главную пружину, главную двигательную силу русского народа, а внутреннее нравственное сознание» [3, с. 221]. Эту черту Данилевский выводит из специальной интерпретации способа социокультурных преобразований российского общества [3, с. 217].

Четвертая черта русского национального характера – приоритет общенародного, русского элемента над элементом личным, индивидуальным. Он пишет об «... огромном перевесе, который принадлежит в русском человеке общенародному русскому элементу над элементом личным, индивидуальным» [3, с. 223]. Вся русская история, по Данилевскому, демонстрирует примеры жертвенности русского человека личным ради общенародного, ради общероссийских интересов и ради российского государства. Фактически у Данилевского речь идет о российском патриотизме, без которого распадается цельность русского национального характера.

Описание православной религии как нравственного и духовного стержня, основы российской цивилизационной самобытности и национального психического склада у Данилевского выглядит не особенно убедительным, т.к. он акцентирует внимание не на специфике религиозной веры и чувства россиян, а на принципах православной церковной организации: соборном управлении церковью, разделении власти и функций между церковью и государством. Православную религиозность Данилевский рассматривает как единственно правильную форму интерпретации божественного откровения. Не очень убедительно

Данилевский пытается доказать преимущества православного взгляда на церковь и православной формы христианства в основном методом разоблачения ошибочности, порочности, не соответствия истинному духу христианства католического и протестантского взглядов на церковь.

Наконец, в соответствии со своим замыслом, Данилевский прослеживает ход исторического воспитания русского национального характера. Все историческое воспитание русского народа состоит в преобразовании исходной племенной воли в гражданскую свободу в процессе формирования и укрепления русского национального государства как основы российской цивилизационной идентичности и самого сохранения и развития самобытной российской цивилизации.

Преобразование племенной воли в гражданскую свободу происходило через историческое переживание различных форм зависимости народа, которые у Данилевского выступают как основные исторические факторы становления российской государственности как культурно-политической формы русского народа. Данилевский ссылается на следующие исторические формы зависимости: призвание варягов, данничество в Киевской Руси, татарское данничество, крепостничество.

Все это послужило этапами становления национального государства или обретения русским народом государственности и национальной идентичности. Данилевский обоснованно связывает русский народный характер с основами российской цивилизационной идентичности как его историческими продуктами. Правда, все историческое воспитание национального характера не добавило ему никаких новых черт, а лишь трансформировало одну из его черт: преобразовало племенную анархическую волю в гражданскую

свободу. «Русский народ перешел через различные формы зависимости, которые должны были сплотить его в единое тело, отучить от личного племенного эгоизма, приучить к подчинению своей воли высшим, общим целям, – и цели эти достигнуты» [3, с. 292].

Данилевский дает явно предвзятую, односторонне положительную характеристику русского национального характера, который у него состоит из одних достоинств. Эту характеристику пронизывает патристический пафос отстаивания самобытности и национальных интересов русского народа.

Линия позднего славянофильства в постижении русского характера, помимо Н. Я. Данилевского, представлена Ф. М. Достоевским. Портрет русского национального характера, рисуемый Достоевским, фрагментарен и внутренне противоречив: отдельные качества не сходятся друг с другом. Особенно искусственно выглядят приписываемые Достоевским народу мессианские устремления. Он, во-первых, проводит различие между народным характером и испорченной интеллигенцией. Во-вторых, зачем-то приписывает русскому народу какую-то высшую общечеловеческую миссию: соединить противоречия, примирить, обеспечить общечеловеческое всеединство в Христе. В-третьих, предостерегая от идеализации русского народа сам его идеализирует.

Перейдем, к конкретному перечню черт русского народного характера по Достоевскому. Достоевский, подобно многим мыслителям, конечно, приписывает русскому народу особую врожденную, интуитивную, подсознательную православную христианскую религиозность. «Сердечное знание Христа и истинное представление о нем существует вполне. Оно передается из поколения в поколение и слилось с сердцами людей» [4, с. 63].

Второй чертой народного русского характера по Достоевскому является духовная потребность страдания, жертвенность. «Я думаю, самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем» [4, с. 61].

Третья черта народного русского характера – широта души или беспредельность, как стремление и способность во всем доходить до пределов, способность впадать в крайности и метаться от одной к другой. «Это потребность хватить через край, потребность в замирающем ощущении, дойдя до пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и – в частных случаях, но весьма нередких – броситься в нее как ошалелому вниз головой» [4, с. 60].

Четвертая черта русского национального характера, по Достоевскому – высокая духовность, примат идей над материальными интересами. «Вглядитесь и увидите, что у нас прежде всего вера в идею, в идеал, а личные, земные блага лишь потом» [4, с. 141].

Достоевский приписывает русскому народу также такое качество, как свобода духа, способность к духовному подвигу. «Именно народ наш любит точно так же правду для правды, а не для красоты... И все это он сделает и проявит просто, твердо, не требуя ни наград, ни похвал, собою не красуясь» [4, с. 366].

Одна из любимых идей Достоевского о русском национальном характере связана с приписыванием русскому народу некоего общечеловеческого гуманизма. Достоевский искренне верит в «... в общечеловечность, то есть в то, что падут когда-нибудь, перед светом разума и сознания, естественные преграды и предрассудки, разделяющие до сих пор свободное общение наций эгоизмом национальных требований, и что тогда только народы заживут одним духом и ладом, как

братья, разумно и любовно стремясь к общей гармонии» [4, с. 371]. Но он утверждает также, что общечеловечность присуща каждому русскому человеку. «У нас, у нас всех, русских, – эта вера есть вера всеобщая, живая, главнейшая» [4, с. 371].

Общечеловечность русского народа образует особый, любимый пунктик Достоевского вплоть до того, что он отождествляет ее с русской национальной идентичностью. «Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу все изменится. Стать русским значит перестать презирать народ свой» [4, с. 375].

Б. Тарасов, оценивая концепцию русского народного характера Достоевского, отмечает, что «Достоевский не идеализировал народ, хорошо видел его недостатки, никогда не скрывал их, а, напротив, стремился выявлять для лучшего осознания и напоминания о их возможных последствиях» [9, с. 25]. Можно говорить о том, что Достоевский, описывая характер русского народа проводил различие между его глубинными позитивными качествами и обусловленными различными социально-историческими причинами искажениями, нарушениями этих качеств. При этом он, безусловно верил в победу лучшего в народном характере.

Противостояла линии славянофильского традиционализма линия ингрессивного интегрализма, предлагавшая интеграцию России в мировое сообщество путем стирания национальной самобытности ради всемирной, общечеловеческой идентичности. Этот специфический подход к русскому национальному характеру демонстрирует В. Соловьев, ища в нем общечеловеческие интегрирующие черты. В. Соловьев анализирует русский национальный характер с точки зрения

своего идеала вселенской теократии, реализация которого про мысли В. Соловьева составляет русскую идею. Соловьев проводит различие между самосознанием народа и его идей. «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [8, с. 187].

Русская идея – замысел Бога о России и состоит в реализации именно русским народом этого идеала. Но народ может и не выполнить этого замысла Бога, ибо Богом же наделяется нравственной свободой. «Идея, которую определяется его существование в мысли Бога, никогда не выступает в качестве материальной необходимости, но только в форме морального обязательства» [8, с. 187].

Поэтому Соловьев придирчиво избирательно анализирует русский национальный характер на тему наличия в нем качеств, обеспечивающих способность реализовать русскую идею. Он обнаруживает такое качество: способность к самоотречению от национального эгоизма. Примеры проявления этого заветного качества Соловьев видит в русской истории. «Прошедшее русского народа представляет два главных акта национального самоотречения – призвание варягов и реформа Петра Великого» [7].

Это заветное качество согласуется и с другими качествами национального характера: христианской религиозностью и др. «Высший идеал самого русского народа (идеал «святой Руси») вполне согласен с нравственными требованиями и исключает всякое национальное самолюбие и самомнение» [7]. Способность самоотречения от национального эгоизма толкуется В. Соловьевым в нравственном смысле «...истинной религиозности, братолюбия, широты взгляда, веротерпимости, свободы от всякой исключительности и прежде всего – духовного смирения» [7].

Но это заветное качество редко проявляется. А русское общество, по мысли В. Соловьева, от народа до властей подвержено порче русского национализма как ложно понятого национального патриотизма. И в этом видит Соловьев главное препятствие в исполнении русским народом возложенной на него Богом русской идеи [7].

Соловьев стремится обосновать необходимость очередного героического подвига, к которому призывает русское общество – подвига перехода от национального эгоизма и патриотизма к христианскому интернациональному, высшему религиозному духовному патриотизму. Аргументация В. Соловьева в пользу актуализации в национальном характере национального самоотречения основана на своеобразной интерпретации интернационального теократического всеединства как истинного смысла христианства и на чисто ценностном противопоставлении позитивного христианского интернационализма негативному национальному патриотизму. В. Соловьев необоснованно считал, что «... вполне возможно соединить вселенское христианство с патриотизмом... Достойным предметом нашей веры и служения может быть только то, что причастно бесконечному совершенству» [7]. Естественно, что подобная аргументация в российском обществе могла вызывать лишь отторжение и недоумение.

Концепция вселенской теократии как идеал гармонического синтеза культур Запада и Востока В. Соловьева стала слишком ранним пророчеством современной глобализации. Современное ему российское общество не поняло и не приняло облеченную в религиозную форму вселенской теократии идею лидерства России в формировании все-

мирной мультикультурной глобальной цивилизации. Призывы В. Соловьева к замене национального патриотизма (в его толковании эгоизма) интернациональным христианским патриотизмом остались без ответа.

Заключение. Русский характер получил неоднозначное отражение в национальном самосознании XIX века, в котором в осмыслении российской культурно-антропологической идентичности противостояли две линии: линия традиционализма (славянофилы) и линия интегрализма (западники).

Линия традиционализма была представлена двумя поколениями славянофилов: ранним (К. С. Аксаков, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский) и поздним (Н. Я. Данилевский, Ф. М. Достоевский). Оба поколения славянофилов искали и акцентировали внимание на самобытную российскую культурно-антропологическую идентичность и обосновывали необходимость ее сохранения, связывая черты русского характера с самобытностью российской цивилизации.

Линия интегрализма наиболее ярко была представлена П. Я. Чаадаевым, а позже В. С. Соловьевым. Если П. Чаадаев подчеркивал негативные черты русского характера с точки зрения западных социокультурных стандартов, то В. Соловьев акцентировал внимание на общечеловеческих чертах русского народа и на его способности национального самоотречения, видя в русском народе потенциал для формирования общечеловеческой идентичности в обществе вселенской теократии. Однако, конструкции русского характера, разработанные в рамках линии интегрализма очевидно противоречили реальным особенностям российского общества и его истории и оказались мало убедительными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аксаков К. С. Записка «О внутреннем состоянии России» // Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы: Хрестоматия. М.: Издательство Московского университета, 2012. URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_k_s/text_1855_zapiska.shtml (дата обращения 08.06.2023).
2. Бердяев Н. А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 301 с.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Изд-во Известия, 2003. 607 с.
4. Достоевский Ф. М. Дневник писателя: Избранные страницы. М.: Современник, 1989. 557 с.
5. Лосский Н. О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. 480 с.
6. Поломошнов Л. А. Национальный характер как проблема самосознания русской культуры: дис... канд. филос. наук: 24.00.01 / Поломошнов Лев Андреевич. Волгоград, 2021. 192 с.
7. Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. М.: Директ-Медиа, 2012. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv31.htm> (дата обращения: 10.09.2019) (дата обращения 10.09.2022).
8. Соловьев В. С. Русская идея // Русская идея / Под ред. М. А. Маслина. М.: Республика, 1992. С. 185–204.
9. Тарасов Б. Отчет о слышанном и прочитанном // Достоевский Ф. М. Дневник писателя: Избранные страницы / Ф. М. Достоевский. М.: Современник, 1989. С. 5–34.
10. Хомяков А. С. Всемирная задача России / Составление и комментарии М. М. Панфилова / Отв. ред. О. А. Платонов. Изд. 2-е. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 784 с.
11. Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего // Чаадаев П. Я. Статьи и письма. 2-е изд., доп. М.: Современник, 1989.
12. Чаадаев П. Я. Философические письма // Чаадаев П. Я. Статьи и письма. 2-е изд., доп. М.: Современник, 1989.

REFERENCES

1. Aksakov K. S. Zapiska «O vnutrennem sostoyanii Rossii» [Note «On the internal state of Russia»] // Russkaya sotsial'no-politicheskaya mysl'. 1850–1860-e gody: Khrestomatiya. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2012. URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_k_s/text_1855_zapiska.shtml (data obrashcheniya 08.06.2023).
2. Berdyayev N. A. Russkaya ideya. [Russian idea] SPb.: Azbuka-klassika, 2008. 301 s.
3. Danilevskiy N. Ya. Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu. [Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic-Romanic one] M.: Izd-vo Izvestiya, 2003. 607 s.
4. Dostoevskiy F. M. Dnevnik pisatelya: Izbrannye stranitsy. [Writer's Diary: Selected Pages] M.: Sovremennik, 1989. 557 s.
5. Losskiy N. O. Istoriya russkoy filosofii. [History of Russian philosophy] M.: Sovetskii pisatel', 1991. 480 s.
6. Polomoshnov L. A. Natsional'nyy kharakter kak problema samosoznaniya russkoy kul'tury: dis... kand. filos. nauk: 24.00.01 [National character as a problem of self-awareness of Russian culture: dis... cand. Philosopher Sciences: 24.00.01] / Polomoshnov Lev Andreevich. Volgograd, 2021. 192 s.
7. Solov'ev V. S. Natsional'nyy vopros v Rossii. [The national question in Russia] M.: Direkt-Media, 2012. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv31.htm>

(data obrashcheniya: 10.09.2019) (data obrashcheniya 10.09.2022).

8. Solov'ev V. S. Russkaya ideya [Russian idea] // Russkaya ideya / Pod red. M. A. Maslina. M.: Respublika, 1992. S. 185–204.

9. Tarasov B. Otchet o slyshannom i pročitannom [Report on what you heard and read] // Dostoevskiy F. M. Dnevnik pisatelya: Izbrannye stranitsy / F. M. Dostoevskiy. M.: Sovremennik, 1989. S. 5–34.

10. Khomyakov A. S. Vsemirnaya zadacha Rossii [Russia's global task] /

Sostavlenie i kommentarii M. M. Panfilova / Otv. red. O. A. Platonov. Izd. 2-e M.: Institut russkoy tsivilizatsii, Blagoslovenie, 2011. 784 s.

11. Chaadaev P. Ya. Apologiya sumasshedshego [Apology for a madman] // Chaadaev P. Ya. Stat'i i pis'ma. 2-e izd., dop. M.: Sovremennik, 1989.

12. Chaadaev P. Ya. Filosoficheskie pis'ma [Philosophical letters] // Chaadaev P. Ya. Stat'i i pis'ma. 2-e izd., dop. M.: Sovremennik, 1989.

Информация об авторе

Андрей Федорович Поломошнов, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры иностранного языка и социально-гуманитарных дисциплин Донского государственного аграрного университета, ул. Кривошлыкова, 24, 346493, Южный федеральный округ, Ростовская область, Октябрьский район, п. Персиановский, Российская Федерация, paf1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6312-9440>, SPIN-код: 9910-7034, AuthorID: 629425

Information about the Authors

Andrey F. Polomoshnov, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages and Social and Humanitarian Disciplines of Don State Agrarian University, st. Krivoshlykova, 24, 346493, Southern Federal District, Rostov region, Oktyabrsky district, Persianovsky settlement, Russian Federation, paf1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6312-9440>, SPIN-код: 9910-7034, AuthorID: 629425

Для цитирования: Поломошнов А. Ф. Русский характер в национальном самосознании XIX века // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 4 (10). С. 7–18. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2023_N4.pdf